

К проблеме персонализации вузовского образования в России

DOI 10.31483/r-100673
УДК 378; 004

Миронова Н.Г.

Институт истории и государственного управления
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», ROR
Уфа, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0516-4429>, e-mail: om_aks@mail.ru

Резюме: Процесс происходящей в мире и в России социальной трансформации, выраженный в программах реформ образования, меняет роль образовательных организаций в социуме и экономике и, вероятно, в культуре, в целом. Новые игроки на возникшем в России рынке образовательных услуг (международные IT-корпорации и проч.) во-многом инициируют эти перемены или оказывают большое влияние на структурную и содержательную перестройку российского высшего образования.

В статье ставится цель исследовать, что происходит с российским высшим образованием. Автором проанализированы предпосылки и тенденции трансформации отечественной модели образования.

В рамках цели решается задача исследовать составляющие этой трансформации: цифровизацию и персонализацию (индивидуализацию) процесса обучения.

Источником исследования служили стратегические документы по развитию отечественного образования и практика их реализации в отдельных учебных заведениях.

Методы исследования – теоретический анализ и синтез.

Результаты исследования изложены ниже: выявлены проблемы образовательных учреждений, возникающие при реализации «запроса» на персонализацию образования; обозначены некоторые концептуальные лакуны в стратегических документах, которые затрудняют осмысление целей цифровизации образования исполнителям; указаны некоторые организационные причины, по которым реализация концепции индивидуализации (персонализации) образования для учащихся на практике затруднена.

Ключевые слова: проблемы высшего образования, информационные технологии в высшем образовании, персонализация обучения, индивидуальная траектория.

Для цитирования: Миронова Н.Г. К проблеме персонализации вузовского образования в России // Развитие образования. – 2021. – Т. 4, №4. – С. 34-41. DOI:10.31483/r-100673.

On the Problem of Personalization of Higher Education in Russia

Natalia G. Mironova

ROR Institute of History and Public Administration of FSBEI of HE "Bashkir State University", Ufa, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0516-4429>, e-mail: om_aks@mail.ru

Abstract: The process of social transformation taking place in the world and in Russia, expressed in education reform programs, is changing the role of educational organizations in society and the economy and, probably, in culture as a whole. New players on the educational services market that has emerged in Russia (international IT corporations, etc.) in many ways initiate these changes or have a great impact on the structural and substantive restructuring of Russian higher education.

The purpose of the article is to investigate what is happening with Russian higher education, the preconditions and trends of transformation of the domestic model of education are analyzed.

Within the framework of the goal, the task to explore the components of this transformation is solved: digitalization and personalization (individualization) of the learning process.

The source of the study was strategic documents on the development of national education and the practice of their implementation in individual educational institutions.

Research methods – theoretical analysis and synthesis.

The results of the research are set out below: the problems of educational institutions that arise in the implementation of the «request» for the personalization of education have been identified; some conceptual gaps in strategic documents are identified that make it difficult for performers to comprehend the goals of digitalization of education; some organizational reasons are indicated for which the implementation of the concept of individualization (personalization) of education for students in practice is difficult.

Keywords: problems of higher education, information technology in higher education, personalization of training, individual trajectory.

For citation: Mironova N.G. (2021). On the Problem of Personalization of Higher Education in Russia. *Razvitiye obrazovaniya = Development of education*, 4(4), 34-41. (In Russ.) DOI 10.31483/r-100673.

Аслалых статий

Раçсейре аслă шкул вёренёвне пайярлатасси çинчен

Миронова Н.Г.

АВ «Пушкарт патшалых университечё» ФПВУн Истори тата патшалых управленийён институчё, ROR

Уфа, Раçсей Федерацийе.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0516-4429>, e-mail: om_aks@mail.ru

Аннотаци: Тёнчере тата Раçсейре çынсен хутшану улшанаве вёренү реформин программисенче палăрать. Вёренү организацийесем хайсен общества, экономикара (тёпрен илсен, культурара) сараплакан пёлтерёшне улăштараççе. Вёренү енёпе пулăшу паракан рыноку хутшанаксем (IT корпораци евёрлө тёнче пёрлешёвсем т. ыт. т.) епле те пултин çёнёлхе пусараççе е Раçсейён аслă вёренёвн тытамёпе содержанине пысак витём күреççе.

Статьяя тёллөвөө Раçсей вёренёвнче мён пулса иртнине тёпчесси пулса тăрать. Автор тăван çер-шывăн вёренёв улшаннин сăлтавесене тата тĕп çул-йĕрне тишкерсе тухнă. Тёпчев тёллөвне пăхăнса вёренү улшанаве пайесене – цифрлava тата вёренёве уйрăм çынпа çыхăнтарассине (индивидуализация) – тишкерес задача лартнă.

Тёпчев материален çăл күс вёренү атalanаве çыхăннă стратегиллĕ документсем тата весене уйрăм вёренү учрежденийесене пурнаçа кёртекен практика пулса тăчёç.

Тёпчев меслече – теори анализ тата синтез.

Тёпчев результаçсene кашт аяларах çырса панă: вёренү учрежденийесен вёренёве пайярлатнă чухне курăнан-кан йывăрлăхесене тупнă; стратегие уçамлатакан документсенче вёренёве цифрлассине ёнланма çärмантракан концепциллĕ пушлăхсене асăрханă; ачасен вёренёвне пайярлатма йёркелү витёмёпе практикара çärмантара-кан хăш-пĕр йывăрлăха палăртнă.

Тĕп сăмахсем: аслă вёренү йывăрлăхĕ, аслă вёренёвн информаци технологийесем, вёрентёве пайярлатасси, уйрăм çыннăн атalanу çул-йĕр.

Цитаталама: Миронова Н.Г. Раçсейре аслă шкул вёренёвне пайярлатасси çинчен // Вёренү атalanаве. – 2021. – Т. 4, №4. – С. 34-41. DOI 10.31483/r-100673.

Введение

Экономические, политические и технологические трансформации, в которые погружен мир, меняет и содержание образования. В России наблюдается складывание т.н. «цифрового образования», что проявляется в реорганизации управления ученым процессом, изменении ролей участников учебного процесса, встраивании в него ИТ-бизнеса, адаптации содержания и форм образования под запросы рынка труда и международные стандарты, изменении внутренней культуры (она становится корпоративной) образовательных учреждений. Первые этапы реформы образования в России инициировал Всемирный банк (в т.ч. его участник – Международный банк реконструкции и развития) в 1990-х.¹ В настоящее время участниками, инициаторами, интересантами трансформации российского высшего образования выступают государственные, частные, аффилированные с ними структуры. Международные компании, осваивающие международный рынок образовательных услуг, рассматривают Рос-

сию как незанятый серьезными «игроками» ресурс, способный принести немалую прибыль. Цель данного исследования – понять, что происходит с российским высшим образованием и куда оно движется; предметом исследования стали конкретные форматы и технологии, с помощью которых реализуется новая модель образования (в частности, персонализация обучения).

Методология

Учитывая предмет данной работы, основным методом исследования стал теоретический анализ содержания стратегических и нормативных документов, содержащих программные цели, задачи, целевые показатели реформирования системы высшего образования в России, анализ практики ряда российских ВУЗов по реализации новой модели образования.

Содержание и результаты

Авторы стратегии «Будущее образования: глобальная повестка» (разработан в 2013 г. при участии Агентства стратегических инициатив, Фонда Сколково и Высшей школы экономики) констатировали, что российское «образование – «нераспакованная» отрасль на многие миллиарды долларов, и первые, кто в нее пойдет, получают шанс захватить этот огромный рынок» [9, с. 12.]. Стратегия обозначила направления трансформации системы образования в РФ, в т.ч. передача «массовых образовательных процессов от индустриальных провайдеров образования к сетевым» в 2020-х [9, с. 47]. В настоящее время наблюдается процесс, своего рода, приватизации российского образования частными разработчиками сетевых образовательных платформ, банковскими структурами, компаниями частно-государственных форм; примеры – платформа Иннополис от Сколкова, СберКласс от Сбербанка, ЦОСы от российских и иностранных разработчиков.

1 Так, 9 октября 1997 года между Правительством РФ и Международным банком реконструкции и развития подписано соглашение о займе №4183-RU на финансирование «Инновационного проекта развития образования» (сроки реализации – 1998 – 2004 гг.); 19 июля 2002 года – Соглашение о займе №4605-RU между Российской Федерацией и МБРР для финансирования проекта «Реформа системы образования» (сроки реализации 2002-2006 гг.); 28 февраля 2005 г. – Соглашение о займе №4726-RU между Российской Федерацией и МБРР для финансирования проекта «Информатизация системы образования» (сроки реализации 2005-

2008 гг.). Ильинский И.М. приводит доклады «Россия: образование в переходный период», подготовленные сотрудниками Всемирного банка при поддержке Фонда Д. Сороса, правительства Великобритании, Финляндии, Франции, Японии и Нидерландов (1994 и 1995 гг.); доклад № 18 666-RU «Обновление образования в России (региональный уровень)» (1999 г.) идр., где были определены направления реформирования образования в РФ; Высшая школа экономики стала «транслятором идей» этой реформы. Об истории реформ российского образования, см., например: [2], а также: Соколова В. // Совершенно секретно. №4. - 2011 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ivan4.ru/news/society/kto_stoit_za_reformami_po_likvidatsii_vseobshchey_gramotnosti_v_strane.

Изменяется концепция создания, сохранения и передачи научных, профессиональных, общекультурных знаний и опыта в системе образования. Черты новой образовательной модели, складывающейся в России: проектный подход к обучению и к производству знания (в этот процесс требуется активно вовлекать не только ученых, профессорского преподавательских кадры, но и студентов и окружающую университеты бизнес-среду; изменение роли и места государства в отношениях с наукой и образованием²; изменение роли учащихся³ в ВУЗе – и роли ВУЗов по отношению к учащимся и ИТ-бизнесу (в той мере, в какой цифровые образовательные платформы и экосистемы, точнее, управляющие этими платформами ИТ-компании становятся операторами образовательных услуг или посредниками между ВУЗом и учащимися); индивидуализация компетентностной настройки «человеческого капитала» под нужны меняющегося рынка труда (индивидуализация образования и модульная система)⁴. Российские ВУЗы (ТюмГУ, ИТМО, ВШЭ, УрФУ) «примеряют» на себя отличные от прежних форматы образовательного процесса⁵, ориентируясь на опыт США.

В прогнозах и стратегических документах (в т.ч. в вышеупомянутом документе «Будущее образования») утверждается, что классический академический университет «модели Гумбольдта» себя не оправдывает в быстро экономической среде, – его теснят сетевые поставщики образовательных услуг (которые, как прогнозируется [12] к 2030 году будут вести обучение через платформы массового открытого онлайн-образования, а индивидуальный подход будет поставлен в центр образовательного процесса; на смену традиционным дипломам придут индивидуальные профили компетенций (интернет-системы оценки и сертификации, позволяющие получить внешнюю подтверждаемую оценку о наличии отдельных компетенций и навыков), «исчезнет необходимость в преподавателе как ретрансляторе знаний». В настоящее время электронная образовательная среда как средство информирования, контроля

2 «Раньше государство брало на себя ... обеспечение безопасности граждан, защита территории, законотворчество, выпуск денежных знаков, предоставление различных услуг (медицина, образование, социальное обеспечение и пр.), - сейчас почти весь этот «пакет сервисов» можно получить у частных провайдеров, ... список сервисов включает даже такие специфические функции, как физическая защита и связанное с ней право на насилие (частные армии и частная полиция). ... государство будет передавать все больше функций бизнесу и обществу. То, что остается в качестве объекта управления — это идентификация граждан государства со своей принадлежностью к этому государству. Будущее государства лежит в развитии процессов управления идентичностью»

3 Глава Минобрнауки В. Фальков выразил потребность учащихся: «В 21 веке мы входим в принципиально другую модель образования. Оно должно стать более индивидуальным не для того, чтобы найти таланты, а для того, чтобы в каждом раскрыть талант».

4 формула «2+2+2» вместо «4+2» (бакалавриат + магистратура): 2 года общеобразовательной программы, потом 2 года по выбранному направлению с изучением профессиональной области и практико-ориентированных курсов, потом возможны еще 2 года магистратуры на той же или другой специальности, в т.ч. в другом ВУЗе, причем траекторию обучения студент выбирает сам и осознанно. (обсуждаются также варианты «1+3» и «1+2+1» вместо «2+2»)

5 См. например: «В ТГУ тестируют модели нового образования в формате 2+2+2» // Ресурсы ТГУ. <https://www.tsu.ru/news/v-tgu-testiruyut-modeli-novogo-obrazovaniya-v-forma> (Дата публикации: 22 Апреля 2020

и принятия решения об «индивидуальной образовательной траектории» учащихся обладает для учащихся определенной привлекательностью, а для бизнеса и структур госуправления – удобствами прямого доступа к человеческим ресурсам и возможностями коммерциализации образовательных услуг, для чего активно продвигается на отечественном «рынке образовательных услуг» [10, с. 63 (3)].

Концепция индивидуализации образования, предназначенная придать больше гибкости роли учащегося и предоставить вузам возможность подстраивать учебную программу под запросы работодателей, является «ответом» образовательной системы на вызовы кризисной экономики, – на мировой кризис перепроизводства, отсутствие широкого спроса на специалистов в сократившемся реальном секторе производства, на рост автоматизации (заменяющей специалистов программно-аппаратными средствами). Возможно, «перезагрузка» мировой экономики или прорывы в технологии в науке изменят ситуацию к лучшему, – и для университетов и научных институтов откроется «второе дыхание». Между тем, авторы стратегии «Будущее образования: глобальная повестка» предсказывают к 2025 исчезновение профессии преподавателя, надобности в дипломах ВУЗов, обесценивание научных журналов и стандартов цитирования, радикальную ломку нынешней системы интеллектуальной собственности (в связи с исчезновением традиционных форм научной и публикационной активности, например, авторского учебника); к 2035 г. авторы стратегии предсказывают исчезновение и общеобразовательной школы как формата трансляции знания в обществе, исследовательского университета (их роль могут перехватить образовательные он-лайн платформы), научная культура в образовательной среде сменится чисто корпоративными стандартами выживания. В стратегии даже встречается термин «граждане ТНК» для характеристики того, чем станут поставщики и потребители образовательного контента для основных выгодополучателей новой образовательной экосистемы, как будет строиться обновленная системы трансляции опыта и знаний; Лукша и Песков отмечают [8, с. 23–24]: «этот модель уже действует на рынках звезд (киноактеры и спортсмены), но сейчас она может стать массовой, особенно с развитием компетенционных моделей и систем data mining, позволяющих вычислять наиболее продуктивные образовательно-карьерные траектории мы ожидаем к началу 2020-х появление первых «людеардеров» – владельцев инвестиционных портфелей, собранных из талантов» [9, с. 90] Положения указанной концепции нашли отражение в содержании дорожных карт «Образования-2030», проектах АСИ, концепции «Цифровая образовательная среда» и т. п., в целом, в нацпроекте «Образование».

В этих документах раскрываются понятия «образовательно-карьерная траектория», «личный профиль компетенций» (Согласно стратегии «Будущее образования», профиль компетенций «будет создаваться, достраиваться и применяться на протяжении всей жизни и во всех ее сферах – учеба, игра, хобби,

волонтерство, нетворкинг, сексуальные отношения», которые (сейчас профиль – личное портфолио работ с рекомендациями и описанием ключевых умений, индивидуальные профили компетенций, отчуждаемые от образовательных учреждений, работодателей и отраслей и дополненные инструментами (и «менторскими сетями») для управления личными траекториями учащихся, которые смогут «превращаться в «круглосуточных» виртуальных учителей на базе искусственных интеллектов, адаптирующих образовательную траекторию ...студента» [8, с. 23–24] Причем, судя по тексту стратегии, индивидуализация образования будет «кастовой»: традиционное «живое» обучение «будет носить «премиальный» характер и включать работу с ценностями и смыслами. – Массовые же знания и навыки (компетенции) будут передаваться с помощью онлайн/оффлайн форматов»; «под управлением автоматизированных систем «наставников»; «превентивное образование создает представление о желательных и нежелательных маршрутах развития», «облегчит формирование под заказ «коллективных личностей» («лес сознаний») [9, с. 91 и далее], причем «такие личности не будут иметь противоречивой мотивации, создающей возможную «непрозрачность»»).

Реформы образования обосновываются констатацией тезиса, что многие российские ВУЗы становятся неэффективны с точки зрения выполнения своей экономической функции, а уровень подготовки выпускников ВУЗов нередко оценивается работодателями как недостаточно приближенный к уровню требований в отраслях экономики. Не настроено широкое взаимодействие между вузами и работодателями по вопросам формирования образовательных программ и у студентов не всегда есть возможность приобрести в ВУЗе актуальный практический опыт из-за недостаточной связки ВУЗов с работодателями. Так, по данным опроса HeadHunter, 93% работодателей отметили, что профessionализм выпускников 2021 года – средний или ниже среднего [7].

Модернизация системы высшего образования в России содержательно заключается во внедрении в образовательные отношения и структуры западной корпоративной модели со всеми ее издержками и ориентацией на экономические ценности. В Форсайт-проекте «Образование-2030» формулируется видение модели российского образования как части глобальной образовательной платформы. При этом государство рассматривает отечественную систему высшего образования как многофункциональное средство, выполняющие ее коммерческие задачи, и социальный заказ, и формирующую научно-технологическую базу и перспективу для развития экономики. Модель «Университет 3.0» рассматривается Минобразования как одно из приоритетных направлений развития высшего образования, Она предполагает очередную трансформацию ВУЗов, чья основная миссия – подготовка специалистов для профессиональной деятельности в отдельных секторах экономики (концепция «Университета 1.0») или ориентирование главным образом на научно-исследовательскую деятельность («Университета 2.0»), – в

нечто, что выполняет все эти функции и дополнитель но ориентирована на «промышленное» производство знаний и технологий. В России модель университетов v. 3.0 представлена концепцией университета Национальной технологической инициативы (НТИ); ВУЗы новой модели призваны формировать предпринимательские экосистемы, создавать новации и технологические рынки вокруг них, выступая авангардом для экономики. При этом, как отмечает О. Нариманова [11], «значительная часть российских вузов соответствует модели Университета 1.0, то есть выполняет лишь образовательную миссию. В других вузах исследования и разработки в определённой степени интегрированы в учебный процесс (Университет 2.0). Университетов 3.0, занимающихся коммерциализацией знаний, в России практически нет». Наука, – один из продуктов деятельности университетов и институтов, – при корпоративном «проектном» подходе ставится в зависимость от запроса, сформированного «секундой» рыночной конъюнктурой, существя лишь во временных рамках короткого корпоративного проекта; о складывании научных школ, о развитии фундаментальной науки в такой системе управления наукой и образованием говорить особо не приходится, если все основывается на «корпоративной модели» существования ВУЗов.

Помимо задачи образования, реформированная российская система высшего образования и науки решает и задачу развития науки и технологий (функции возложили на преподавателей ВУЗов, и реализация обеих функций в ВУЗе ослабляется перегруженностью ППС, – задача вести фундаментальное и прикладное исследование под заказ бизнеса или государства на практике плохо совмещаются в одном преподавателе с задачей давать массовую образовательную услугу населению). Раньше развитием фундаментальной и прикладной науки занималась Академия наук, отраслевые академии и НИИ (в США также эти 2 задачи выполняют две разные категории учреждений). «Отреформированный» под нужды рынка ВУЗ декларируется как клиентоориентированная организация, производящая образовательные услуги и нанимающая преподавателей на рынке труда [5, с. 122–123], производство «образовательных услуг» превращено в поточное производство. Чтобы выполнить грант или заказ на интеллектуальный продукт в формате бизнес-проекта (как это делают корпорации, чью модель пытаются навязать и ВУЗам) и вовлечь студента в прикладную научную деятельность по «промышленному» производству «интеллектуального продукта», в вузах внедряется «проектный подход». Однако коммерческие студенты периферийных ВУЗов, заплатившие за получение образовательной услуги ВУЗу деньги, в массе своей – очень слабое подспорье для реализации действительно серьезных заказов; они потребители образовательной услуги, и за рамки этой роли выходить не видят для себя потребности (заставить же студента заниматься наукой ВУЗ не вправе). Есть ли перспектива у рыночного подхода из попытки «выжать» из университетов и подготовку специалистов для нужд бизнеса, – и добывание финансового дохода от предпринимательской

деятельности в сфере науки (чего ждут реформаторы от университетов модели 3.0) – большой вопрос. Ведь три ипостаси (преподаватель, академический ученый – и успешный бизнесмен от науки) затруднительно совместить в одном человеке, – они требуют разных склонностей, психических способностей, противоположных мотиваций и систем целеполаганий. Сейчас, согласно требованиям эффективного контракта, преподаватель ВУЗа, помимо основной задачи регулярно актуализировать и вести курсы дисциплин для студентов (и курсов в нагрузке преподавателя с десяток, т.к. аудиторная часть дисциплин постоянно урезается вузом, но число часов в расчете на 1 ставку преподавателя – растет), – преподаватель также обязан ежегодно публиковать в рейтинговых журналах ВАК, РИНЦ, RSCI, WoS, Scopus порядка десятка статей (которые должны быть ежегодно процитированы другими авторами не менее требуемого числа раз в индексируемых изданиях), – все это независимо от специальности преподавателя, от того, есть ли вообще в природе «рейтинговые журналы» по данной специальности. Преподаватель также должен одновременно вести воспитательную и научно-исследовательскую работу со студентами, разрабатывать личную научно-исследовательскую тему; нести разнообразные бесплатные организационные обязанности по кафедре, связанные с отчетностью десятку ВУЗовских начальников разного уровня (например, курировать подготовку документов специальности к аккредитациям/аттестациям); помимо этого всего преподаватель (доцент) должен публиковать не менее одной монографии в год, в обязательном порядке ежегодно генерировать и регистрировать разнообразный электронный контент (электронные учебники, электронные пособия, электронные тесты по дисциплинам, другие ЭОР для студентов в системах дистанционного обучения); также он должен ежегодно проходить не одно повышение квалификации; кроме того преподаватель ВУЗа обязан искать неизвестно где (и когда) дополнительные источники финансирования, добывать на стороне и выполнять гранты, принося дополнительный доход ВУЗу, исчисляемый десятками тысяч «с носа» за 1 учебный год, организовывать и вести курсы в рамках дополнительных программ образования; ежегодно переделывать под постоянно меняющиеся требования оформления и ФГОСы рабочие программы и фонды оценочных средств; участвовать в конференциях; регулярно оформлять открытия или иные авторские научные разработки – и т. д., и т. п. Как долго возможно такое совмещение в одном человеке, и как быстро происходит выгорание преподавателя, – никто не исследует, администрации вузов просто ставят малоподъемный комплекс задач на год, не вникая в проблемы реализации. Делегировать студентам часть этих задач нереально. Академик Жорес Алферов писал, что нормальный ученый может опубликовать 1, максимум – 2 статьи в год, но от рядового преподавателя, сидящего на ставке (которая в несколько раз ниже зарплаты европейского преподавателя) администрация требует высокой отдачи по всем направлениям. С «неэффективным» преподавателем, не набравшим нужного

количества баллов КПИ за год, ВУЗ не продляет очередной контракт; это и есть тот «проектный подход» на практике, который реализуется в отношении преподавателя (когда проект завершен – его исполнители больше не нужны). При этом российские ВУЗы постоянно оптимизируются в сторону увеличения обязанностей и уменьшения прав преподавателей, число преподавателей, привязанное к числу студентов, учащихся в ВУЗе, сокращается по мере демографического снижения численности молодого населения в стране, – а разнообразие форм контроля, масса электронного документооборота, требования КПИ к преподавателю растут год от года. Режим «соковыжималки» со стороны российского ВУЗа в отношении преподавателей заимствован, – вместе с западной моделью образования, – из западной корпоративной культуры; по словам В. Халффман и Х. Раддер (Halffman, Radder): «менеджмент [университетов] провозгласил ученых внутренним врагом: ученым нельзя доверять, их надо проверять и контролировать постоянной угрозой реорганизации и увольнения», «многочисленные администраторы с помощью различных средств (таблицы, показатели, рейтинги) контролируют смиренных «овец», каждая из которых боится оказаться последней» [6]. Дополнительное напряжение «во внешнем контуре» жизни ВУЗа создает перманентный «реформаторский суд» вышестоящих структур, управляющих образованием: принудительное объединение вузов, «ликвидация научных школ и направлений при объединении нескольких кафедр в одну; обострение внутривузовской борьбы за административный ресурс … постоянно отвлекает коллективы от научной и преподавательской работы» [13, с. 91–101].

Реформирование образования, «не отвечающего вызовам времени» (фраза стала уже общим местом), превращается в бесконечный процесс. Институт статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики подсчитал [4], что количество НИИ в России сократилось почти на 40% за период 2000–2019 гг. (с 2 686 до 1 618). И согласно Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 гг. следующие этапы реформы высшего образования должны были снизить количество вузов в России до 50 исследовательских ведущих университетов и 150–200 – остальных типов вузов (путем закрытия или объединения вузов на региональном уровне и сокращения числа специальностей до 50 по стране) [6]. На протяжении 7 последних лет реализовывался проект реорганизации ВУЗов «5–100–20», затеянный ради того, чтобы несколько российских университетов и институтов вошли в сотню лучших мировых вузов по неким мировым критериям. Условием участия ВУЗов в проекте была фундаментальная трансформация системы образования России в соответствии с международными стандартами. В 2020 году Счетная палата объявила, что проект себя не оправдал, и ему требуется очередная перезагрузка [1].

Этим летом (2021 г.) опубликована новая «Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования» [14]. Ее разработчики намечают задачи очередной – цифровой – трансформации российского высшего образования; планируется создание единой

цифровой платформы централизованного сбора данных и управления ВУЗами. Авторы данной стратегии приводят в качестве ориентира уже не западные университеты, а международные ИТ-монополии Amazon, Google, указывая на них как на образец корпоративной и управлеченческой культуры для российского высшего образования: тем «удалось эффективно использовать данные с помощью искусственного интеллекта и машинного обучения». Но, заметим, «штучный» и тщательно выстроенный политическими и экономическими усилиями успех американских ИТ-корпораций вряд ли можно масштабировать на российскую систему образования, поскольку социальные задачи и экономические обстоятельства образовательных учреждений и мировых монополий несоизмеримы.

В Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования в РФ [14] обозначены конечные цели цифровой трансформации российского высшего образования. «Целью реализации ... проектов и стратегических инициатив является достижение высокой цифровой зрелости отрасли науки и высшего образования, характеризуемой следующими показателями: 100% ООВО, подведомственных Минобрнауки России, внедрили целевую модель цифрового университета, позволяющую сформировать единую экосистему сервисов и услуг, предоставляемых участникам образовательного процесса; 100% образовательных программ ООВО, подведомственных Минобрнауки России реализуются с построением индивидуальных образовательных траекторий обучающихся; 100% ООВО, подведомственных Минобрнауки России достигли базового уровня цифровой зрелости; 100% ООВО, подведомственных Минобрнауки России используют АИС «Маркетплейс сервисов» для создания и управления сервисами; механизм межведомственного сетевого взаимодействия ООВО в рамках интеграции сервисов и содержания образования» [14, с. 47] Однако стратегия не разъясняет, как и почему именно цифровая зрелость ВУЗов связана с общим улучшением полезности и социально-экономического эффекта российского образования, каким образом структурная трансформация учреждений образования усилит позиции образования в ландшафте международного и российского рынка труда, скажется на экономическом, научно-технологическим, социальном развитии страны.

Анализ содержания «Стратегии» позволяет заключить, что ее главными задачами являются усиления концентрации контроля и управления: одной из основных целей будет внедрение в деятельность всех образовательных учреждений высшего образования Минобрнауки РФ модели цифрового университета (к 2024 году не менее 50% подведомственных Минобрнауки ВУЗов, к 2030 – 100%), чтобы построить «единую экосистему сервисов и услуг, предоставляемых участникам образовательного процесса, внедрить ... технологии цифрового портфолио и технологии индивидуальных образовательных траекторий, организовать сетевое взаимодействие между ООВО в части интеграции сервисов и содержания образования» [14, с. 93]. Для ВУЗов усиление цифровой связности и новых видов мониторинга, скорее

всего, выразится в кратном возрастании с 2022 года документооборота, дополнительной цифровой работы по созданию, подготовке и очистке потоков данных (в т.ч. личных), обязанность формировать банки знаний, агрегируемых в единый «дата-хаб».

В Стратегии отмечается, что одна из проблем мировых университетов (на опыте которых стратегия и ссылается как на образец) – это «неоднозначная оценка [влияния] онлайн-образования на успеваемость и процесс усвоения информации», «опросы указывают на снижение вовлеченности студентов и преподавателей в учебный процесс» он-лайн образования» [14, с. 212–213]. Тем не менее, документ указывает на необходимость развития цифровых форматов образования: создание единой образовательной среды и единого методологического центра для информационного методического сопровождения цифрового развития» ВУЗов «Цифровое образование», его «интеграция с проектом «Цифровой университет» с целью использования LMS для проведения программ обучения») и т. д. Разработчики стратегии планируют, что новая цифровая образовательная платформа позволит интенсивнее собирать и данные об учащихся, формируя основу для персонализации подготовки учащихся – индивидуальных образовательных траекторий. Эти данные об учащемся позволят строить его индивидуальную траекторию, делать прогноз и вести учащегося (вести в настоящее время учащихся предполагается с помощью наставников («тьюторов»), а в перспективе – с помощью искусственного интеллекта, который будет управлять траекторией студента (в интересах рынка труда и т. п.). Некоторые учебные заведения заявляют, что уже разрабатывают нейросетевые инструменты для анализа цифрового следа учащегося, с целью выдавать на этом основании рекомендации по корректировке образовательной траектории, трудуоустройству. Однако будет ли на практике рекомендательное решение, принятое нейросетью по некоторым формальным признакам ограниченного набора данных, эффективным? Жизненные обстоятельства будущих выпускников меняются, – никакая нейросеть не будет более эффективным советчиком, чем человек, знающий и учитывающий множество факторов, о которых разработчики нейросети могут и не догадываться; да и сомнительно, что учащиеся будут готовы прислушиваться к «синтетическим» рекомендациям при определении своей «траектории» (судьбы) – и следовать им с большей охотой, чем своим собственным интуициям и желаниям.

Анализ опыта ряда ВУЗов, где внедрена практика персонализированного обучения (РАНХиГС, СПбГУ, МАИ, РХТУ им. Д.И. Менделеева, Тюменского и Донского госуниверситетов), свидетельствует: широкому внедрению концепции индивидуализации образования препятствуют организационные сложности: для персонализации обучения требуются персональные наставники (пока искусственный интеллект эту роль играть не способен) – и дополнительные затраты на расширение штата сотрудников; персонализация требует продуманного распределения времени наставников и преподавателей при составлении индивидуального учебного расписания на тысячи студентов.

Возможно, крупные корпорации смогут без посредничества государства «заказывать» определенные профессии и компетенции в ВУЗах (или структурах, которые могут прийти на смену традиционным образовательным учреждениям). Но студенты будут учиться под заказ по 3–4 года для нужд «массового» заказчика в быстро меняющихся экономических условиях, и редкий бизнес сможет столько ждать подготовки заказанного специалиста, поскольку за несколько лет рыночная конъюнктура меняется порой радикально, а компания-заказчик вообще может исчезнуть с рынка за этот срок. Вызывает сомнения сама идея привязки системы образования к «рынку» как главному мерию, критерию эффективности образования; рынок сам крайне неэффективно обеспечивает потребности населения, как показывает практика, и чрезвычайно неравномерно перераспределяет блага между странами и стратами, что является причиной регулярных кризисов, сотрясающих мировое сообщество уже не раз в десятилетие, а раз в 4–5 лет, после чего обществу приходится решать задачу поиска нового направления выхода из очередного тупика, созданного перекосами рыночной конъюнктуры.

Кроме бизнеса, заказчиком «продукта» образования выступают и другие социальные структуры; но конструктора, технologа, эксплуатационника, специалистов для оборонных отраслей подготовить за 3–4

года затруднительно; поэтому объявлять определяющими именно запросы рынка труда для деятельности образовательных учреждений и обучающихся – не оптимальная идея для образовательной инфраструктуры страны. И.П. Ильинский (ректор Московского гуманитарного университета в 2013 году), отмечал, что торжество утилитарного подхода к образованию и усиленное подталкивание ВУЗов к «модернизации» исключительно на основе «все большего их сближения с практикой» приводит к тому, что в системе профессионального образования человек все более технологизируется, а вклад высшего обучения в социальный процесс «может определить словом расчеловечивание» [3, с. 3–7.]

Заключение. Были выявлены проблемы образовательных учреждений, возникающие при реализации «запроса» на персонализацию образования. Перед высшим образованием поставлена задача адаптироваться под утилитарные и изменчивые запросы капиталистической экономики, но сама среда, под которую должно измениться высшее образование, переживает затяжной кризис трансформации целей и ценностей. ВУЗы испытывают организационные и смысловые трудности, усугубляемые конкурентной конкуренцией с IT-компаниями, продвигающими альтернативные – цифровые – образовательные среды; в конкурентной борьбе с ними системообразующие образовательные учреждения рисуют упустить из виду свои социальные задачи.

Список литературы

1. Губернаторов Е. Вузы из проекта «5–100» так и не вошли в топ-100 международных рейтингов / Е. Губернаторов // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/18/02/2021/602cbdff9a7947765ccb58e5>
2. Ильинский И.М. Образование в целях оглушения / И.М. Ильинский // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/1/Ilniskiy>
3. Ильинский И.М. Образовательные технологии: соотношение традиций и новаторства / И.М. Ильинский // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – №3. – С. 3–7.
4. Гохберг Л.М. Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. НИУ ВШЭ, 2021. – 352 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/454933528.html>
5. Курбатова М.В. Поведение работников вузов в условиях реформирования высшего профессионального образования: проблема выбора / М.В. Курбатова, Е.С. Каган, Н.Ф. Апарина // Социологические исследования. – 2015. – №2. – С. 122–133.
6. Лазар М.Г. Реформа высшего образования России – итоги и последствия глазами социологии образования / М.Г. Лазар // Ученые записки. – №44. – 232 – 244 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rshu.ru/university/notes/archive/issue44/uz44-232-244.pdf>
7. Лежнева Л. Тень знаний: работодатели назвали самых невостребованных специалистов. Почему компании постоянно недовольны молодыми кадрами / Л. Лежнева // Известия (дата публикации: 7 сентября 2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1217736/liubov-lezhneva/ten-znanii-rabotodateli-nazvali-samykh-nevostrebovannykh-spetsialistov>
8. Лукша П. Будущее образования: глобальная повестка / П. Лукша, Д. Песков // СС BY RF Group, – 2010–2013. – 56 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.refuture.me
9. Лукша П. Будущее образования: глобальная повестка / П. Лукша, Д. Песков // Агентство стратегических инициатив, Сколково, ВШЭ. др. – 2013. – С. 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asi.ru/upload/media/library/f6c/Doklad_block_russ.pdf
10. Миронова Н.Г. Социальная функция цифровых образовательных платформ / Н.Г. Миронова // Опыт образовательной организации в сфере формирования цифровых навыков: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2019. – С. 63–68 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42397704>
11. Нариманова О.В. Концепция Университет 3. 0: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции / О.В. Нариманова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2019. – №2 (25) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-universitet-3-0-perspektivy-realizatsii-v-rossii-v-usloviyah-novoy-tehnologicheskoy-revolutsii> (дата обращения: 1.12.2021).

12. Образование будущего – альтернативы и возможности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4271513>
13. Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество, или Покушение на человеческий потенциал? / О.Н. Смолин // Социологические исследования. – 2015. – №6. – С. 91–101.
14. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования // Сайт Минобрнауки России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=36749 (дата публикации: 14.06. 2021).

References:

1. Gubernatorov, E. Vuzy iz proekta "5-100" tak i ne voshli v top-100 mezhdunarodnykh reitingov. RBK. Retrieved from <https://www.rbc.ru/society/18/02/2021/602cbdff9a7947765ccb58e5>
2. Ilinskiy, I. M. (2010). Education for the Purpose of Endarkenment. Knowledge. Understanding. Skill, 1. Retrieved from <http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/1/Ilinskiy>
3. Ilinskiy, I. M. (2013). Educational Technologies: the Correlation of Traditions and Innovations. Knowledge. Understanding. Skill, 3, 3-7.
4. Gokhberg, L. M., Ditkovskii, K. A., & Evnevich, E. I. (2021). Indikatory nauki: 2021: statisticheskii sbornik. NIU VShE. Retrieved from <https://issek.hse.ru/news/454933528.html>
5. Kurbatova, M. V., Kagan, E. S., & Aparina, N. F. Behavior of university employees during higher education reformations: an issue of choice. Sociological Studies. 2015, 2, 122-133.
6. Lazar, M. G. Reform of Higher Education in Russia: Results and Consequences Through the Eyes of Sociology of Education. Uchenye zapiski, 44, 232. Retrieved from <http://www.rshu.ru/university/notes/archive/issue44/uz44-232-244.pdf>
7. Lezhneva, L. Ten' znanii: rabotodateli nazvali samykh nevostrebovannykh spetsialistov. Pochemu kompanii postoianno nedovol'ny molodymi kadrami. Izvestia (data publikatsii: 7 sentiabria 2021). Retrieved from <https://iz.ru/1217736/liubov-lezhneva/ten-znanii-rabotodateli-nazvali-samykh-nevostrebovannykh-spetsialistov>
8. Luksha, P., & Peskov, D. (2010). Budushchee obrazovaniia: global'naia povestka. -2013, 56 c. CC BY RF Group-. Retrieved from www.refuture.me
9. Luksha, P., & Peskov, D. (2013). Budushchee obrazovaniia: global'naia povestka. Agentstvo strategicheskikh initsiativ, Skolkovo, VShE. dr, S. 12. Retrieved from https://asi.ru/upload/medialibrary/f6c/Doklad_block_russ.pdf
10. Mironova, N. G. (2019). Sotsial'naia funktsiia tsifrovyykh obrazovatel'nykh platform. Opty obrazovatel'noi organizatsii v sfere formirovaniia tsifrovyykh navykov, 63-68. Cheboksary. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=42397704>
11. Narimanova, O. V. (2019). University 3.0 Concept: Prospects for Implementation in Russia under the Conditions of a New Technological Revolution. Personality in a changing world: health, adaptation, development, 2 (25). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-universitet-3-0-perspektivy-realizatsii-v-rossii-v-usloviyah-novoy-tehnologicheskoy-revoljutsii>
12. Obrazovanie budushchego – alternativy i vozmozhnosti. Retrieved from <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4271513>
13. Smolin, O. N. (2015). Higher education: struggle for quality or an attempt at human potential? Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies], 6, 91-101.
14. Strategiia tsifrovoi transformatsii otrasi nauki i vysshego obrazovaniia. Sait Minobrnauki Rossii. Retrieved from https://www.minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=36749

Информация об авторе

Миронова Наталия Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент, Институт истории и государственного управления ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, Российская Федерация.

Information about the author

Natalia G. Mironova – candidate of philosophical sciences, associate professor, Institute of History and Public Administration of FSBEI of HE “Bashkir State University”, Ufa, Russian Federation.

Автор ڇىنچەن پېلپەرنى

Миронова Наталия Геннадьевна – философи ასლალاھەن к-чە, доцент, АВ «Пушкارت патшалăх университечە» ФПВУН Истори тата патшалăх управленийەن институчە, Уфа, Ра҃сей Федерации.

Поступила в редакцию / Received / Редакция ىىتىھ 01.12.2021

Принята к публикации / Accepted / Пىچەلەمە ىېشىيىنە 24.12.2021

Опубликована / Published / Пىچەلەنە تۇخىä 24.12.2021